

РУССКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Еженедельное издание

ХІІІ г. изд. 5 марта 1906 г. № 10.

СОДЕРЖАНИЕ: Опера и драма. Отрывки изъ книги Рих. Вагнера (*Продолженіе*).—Церковно-пѣвческое дѣло: прот. П. И. Турчаниновъ. I.—Дуэтъ Паганини. Н. Компанейскаго (*Окончаніе*).—Музыка въ школѣ: Школьное пѣніе. Ѳ. Владимірскаго.—Хроника (С.-Петербургъ, Москва,—Музыка въ провинціи,—Музыка за границей).—Библиографія.—Объявленія.

Иллюстрація: портретъ прот. П. И. Турчанинова.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Условія подписки см. послѣднюю стран. №.

Личныя объясненія съ редакторомъ исключительно по СРЕДАМЪ отъ 10—12 ч. утра.

Слѣдующій № будетъ посвященъ *памяти Мусоргскаго*.

„Опера и драма“.

Отрывки изъ книги Рих. Вагнера.

(Переводъ А. Шепелевскаго и А. Винтера).

(Продолженіе).

II. Россини.

Народу никогда не приходило на умъ пѣть свои пѣсни безъ словъ,—безъ стиховъ для него не существовало бы и мелодіи. Если съ теченіемъ времени и на различныхъ ступеняхъ развитія народа измѣняется напѣвъ, то мѣняются также и стихи; какое-либо подраздѣленіе ему непонятно, и то и другое составляютъ для него нераздѣлимое цѣлое, являются супружеской четой.

Культурный человѣкъ слышалъ эту народную пѣсню только издали. Изъ великолѣпнаго дворца онъ внималъ проходящимъ жнецамъ, и съ луговъ донесся до высоты его блистающихъ чертоговъ только напѣвъ; слова остались тамъ, внизу. Если этотъ напѣвъ былъ восхитительнымъ *запахомъ* цвѣтка, а слова его *тѣломъ*, съ его наиболѣе нѣжными органами,—то культурный человѣкъ, хотѣвшій насладиться только односторонне, только нервами обонянія, а и не

взоромъ также, извлекъ этотъ запахъ пвѣтка и искусственно дестилировалъ духи; онъ разлил ихъ по флаконамъ, чтобы носить съ собой и когда вздумается вспрыскивать себя и свою роскошную утварь. Чтобы насладиться также и *видомъ цвѣтка*, ему пришлось бы подойти къ нему поближе, спуститься изъ своего дворца на лѣсную поляну, пробившись сквозь сучья, вѣтви и листья, а для этого у него — важнаго и лѣниваго барина — не было рѣшительно никакого желанія. И вотъ, этимъ благовоннымъ снадобьемъ онъ окроплялъ безсодержательную скуку своей жизни, пустоту и ничтожество своихъ чувствъ. Искусственное растеніе, выросшее отъ такого неестественнаго оплодотворенія, было ничѣмъ инымъ, какъ *оперной аріей*. Если бы она даже была вынуждена вступить въ какую нибудь насильственную связь, она осталась-бы навѣки бесплодной, осталась-бы тѣмъ, чѣмъ она и была: исключительно музыкальнымъ снадобьемъ. Все воздушное тѣло аріи улетучилось въ мелодіи, и эту мелодію пѣли, въ концѣ-концовъ даже играли на скрипкѣ и насвистывали, не замѣчая, что ей долженъ сопутствовать текстъ и смыслъ, выражаемый этимъ текстомъ. Чѣмъ больше этотъ ароматъ подвергался всякимъ экспериментамъ, чтобы пріобрѣсти какую нибудь матеріальную оболочку, а среди нихъ самыхъ претенціознымъ нужно считать экспериментъ серьезной драмы, тѣмъ больше онъ страдалъ отъ всей этой примѣси несвойственнаго ему, чуждаго элемента, и утрачивалъ сладострастную силу и прелесть. Кто снова придалъ этому благоуханію, какъ неестественно оно ни было, тѣло, до обманчивости, несмотря на свою искусственность, похожее на то настоящее тѣло, которое нѣкогда изъ своей естественной полноты наполняло воздухъ благоуханіемъ, какъ духомъ своей сущности? Этотъ необыкновенно ловкій изготовитель искусственныхъ цвѣтовъ, дѣлавшій ихъ изъ бархата и шелка,